

Владимир Короленко

Дом № 13-ый

**Эпизод из Кишиневского
погрома**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К68

К68 **Короленко В.Г.**
Дом № 13-ый: Эпизод из Кишиневского погрома / Владимир Короленко – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 36 с.

ISBN 978-5-517-97094-7

ISBN 978-5-517-97094-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Владиміръ Короленко
Домъ № 13-ый

**Эпизодъ изъ
Кишиневскаго погрома**

Berlin
Heinrich Caspari
Verlagsbuchhandlung

Druck der Spamersehen Buchdruckerei in Leipzig

I.

Я пріѣхалъ въ Кишиневъ спустя два мѣсяца послѣ погрома, но его отголоски были еще свѣжи и рѣзко отдавались по всей Россіи. Въ Кишиневѣ полиція принимала самыя строгія мѣры. Но слѣды погрома изгладить было трудно: даже на большихъ улицахъ виднѣлось еще много разбитыхъ дверей и оконъ. На окраинахъ города этихъ слѣдовъ было еще больше. Въ Петербургѣ еврей Дашевскій ударилъ ножомъ г-на Крушевана и, что было еще страннѣе, — другой еврей-врачъ хотѣлъ подать раненому первую помощь. Г-нъ Крушеванъ въ ужасѣ откинулся отъ помощи и писалъ, что «душа Дашевскаго принадлежитъ ему»; вмѣстѣ съ г-номъ Комаровымъ онъ требовалъ для Дашевскаго смертной казни на томъ основаніи, что онъ, г-нъ Крушеванъ, не простой человѣкъ, а «человѣкъ государственной идеи». А дня два или три спустя, уже во время пребыванія моего въ Кишиневѣ, три неизвѣстныхъ молодыхъ человѣка кинулись на шедшаго изъ училища еврейскаго юношу, и одинъ изъ нихъ ткнулъ его въ бокъ кинжаломъ; кинжалъ былъ направленъ гораздо искуснѣе, чѣмъ у Дашевскаго, и только

книга, которая была у юнаго еврея подъ вастегнутымъ пиджакомъ, ослабила ударъ, но не избавила его отъ раны. Еврейскій юноша, мирно шедшій изъ училища, не былъ, разумѣется, «человѣкомъ государственной идеи» и потому о происшествіи (по крайней мѣрѣ, за все время моего пребыванія) не только г. Комаровъ и г. Крушеванъ, но и мѣстная гавета «Бессарабецъ» не говорила ни одного слова, только кишиневскіе евреи передавали объ этомъ съ весьма понятной тревогой.

Говорили, между прочимъ, будто этотъ ударъ, нанесенный школьнику, есть отвѣтъ на покушеніе Дашевскаго. Какъ это ни нелѣпо, но говорятъ, это похоже на правду. Впрочемъ, «все (теперь) похоже на правду». Все можетъ случиться въ городѣ Кишиневѣ, гдѣ самый воздухъ еще весь насыщенъ дикой враждой и ненавистью. Жизнь города какъ бы притихла. Постройки пріостановились, евреи охвачены страхомъ и неувѣренностью въ завтрашнемъ днѣ.

II.

Въ такіе дни я пріѣхалъ въ Кишиневъ и, стараясь разяснить себѣ страшную и загадочную драму, которая здѣсь разыгралась такъ недавно, бродилъ по городу, по предмѣстьямъ, по улицамъ и базарамъ, заговаривая о происшедшемъ съ евреями и христианами.

Я, конечно, не имѣю претензіи разяснить здѣсь сколько нибудь исчерпывающимъ образомъ этотъ

потрясающій эпиводъ, этотъ изумительный процессъ быстрого, почти внезапнаго исчезновенія всѣхъ культурныхъ задержекъ, изъ-подъ которыхъ неожиданно прорывается почти доисторическое звѣрство. «Нѣтъ ничего тайнаго, что бы не стало явнымъ.» Очень можетъ быть, что и всѣ пружины этого преступнаго дѣла когда-нибудь выступятъ наружу, и все оно станетъ понятно, какъ механизмъ разобранныхъ часовъ. Нѣтъ сомнѣнїя, однако, что и затѣмъ останется еще нѣкоторый остатокъ, который трудно будетъ свести на тѣ или другїя обстоятельства даннаго мѣста и даннаго времени. И это будетъ вѣчно волнующій вопросъ о томъ, какимъ образомъ человѣкъ обыкновенный, среднїй, недурной человѣкъ, съ которымъ порой прїятно вести дѣло въ обычное время, вдругъ превращается въ дикаго звѣря, въ цѣлую толпу дикихъ звѣрей.

Нужно много времени и труда, нужно очень широкое, внимательное изученїе, чтобы просто возстановить картину во всей ея полнотѣ. Для этого у меня нѣтъ возможности, да можетъ быть, для этого еще не наступило время. Хотѣлось бы думать, что судъ сдѣлаетъ это, хотя есть основанїе опасаться, что и судъ этого не сдѣлаетъ. Но мнѣ хочется все-таки подѣлиться съ читателемъ хоть блѣднымъ отраженїемъ этого ужаса, которымъ пахнуло на меня отъ моего короткаго пребыванїя въ Кишиневѣ, спустя два мѣсяца послѣ погрома. Для этого я попытаюсь возстановить, по возможности точно и спокойно,

одинъ эпиводъ. Это будетъ исторія знаменитаго нынѣ въ Кишиневѣ «д. № 13».

III.

Домъ № 13 расположенъ въ 4-мъ участкѣ г. Кишинева, въ переулкѣ, который носить названіе «Азіатскаго», въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ соединяется съ Ставрійскимъ переулкомъ. Впрочемъ, названія этихъ узкихъ, кривыхъ и запутанныхъ улицъ и переулковъ даже Кишиневцы знаютъ довольно плохо, и еврей-извозчикъ (здѣсь очень много извозчиковъ-евреевъ и среди нихъ тоже были раненые и убитые) сначала и не понялъ, куда намъ надо. Тогда мой спутникъ, который больше трехъ недѣль дышетъ кишиневскимъ воздухомъ и успѣлъ ориентироваться среди мѣстныхъ «достопримѣчательностей», связанныхъ съ погромомъ, пояснилъ: — Домъ тринадцатый Гдѣ уби-
вали . . .

— А . . . знаю, — сказалъ извозчикъ, мотнулъ головой и хлеснулъ свою лошадь, тощую, какъ и онъ самъ, и, какъ онъ, невзрачную и унылую. Лица его мнѣ не было видно, но я слышалъ, какъ онъ бормоталъ что-то въ бороду. Мнѣ казалось, что я слышалъ слова: «Нисензонъ» и «Стекольщикъ».

Нисензонъ и Стекольщикъ это еще недавно были живые люди. Теперь это только символы, воплощающіе ужасъ недавняго погрома .

Бхали мы долго и, миновавъ людныя широкія и сравнительно культурныя улицы новаго города, долго

вертѣлись по узкимъ, кривымъ, очень своеобразнымъ переулкамъ стараго Кишинева, гдѣ камень, черепица и известка глушатъ тощія деревца, растущія тоже изъ камня, и гдѣ, кажется, носятя еще тѣни какихъ-то старыхъ исторіей временъ боярства, а можетъ быть и турецкихъ набѣговъ. Дома здѣсь малы, много каменныхъ стѣнъ, какъ бы маскирующихъ входы во дворы, кое-гдѣ сохранились узкія окна, точно бойницы.

Наконецъ, по одному изъ такихъ переулковъ мы опустились къ искомому дому. Невысокій, крытый, какъ всѣ кишиневскіе дома, черепицей, онъ стоитъ на видномъ мѣстѣ, на углу, въ сосѣдствѣ съ небольшою площадью, какъ бы вдаваясь въ нее тупымъ мысомъ. Кругомъ виднѣются убогіе домики подъ черепицей, значительно меньше и невзрачнѣе. Но, между тѣмъ какъ всѣ они производятъ впечатлѣніе жилыхъ, домъ № 13 похожъ на мертвеца: онъ вѣяетъ на улицу пустыми окнами съ исковерканными и выбитыми рамами, съ дверьми, заколоченными кое-какъ досками и равными обломками .

Нужно отдать справедливость кишиневской полиціи: хотя она не особенно противилась погрому, но теперь принимаетъ энергичныя мѣры по отношенію къ евреямъ, понуждая ихъ къ скорѣйшему приведенію въ порядокъ разрушенныхъ и поврежденныхъ зданій. Но надъ ховяиномъ дома № 13 она уже не имѣетъ никакой власти.

Дворъ еще носитъ краснорѣчивые слѣды рав-

грома: весь онъ усѣянъ пухомъ, обломками мебели, осколками разбитыхъ оконъ и посуды и обрывками одежды. Достаточно взглянуть на все это, чтобы представить себѣ картину дикаго ожесточенія: мебель ивлмана въ мелкія щепки, посуда растоптана ногами, одежда изодрана въ клочья: въ одномъ мѣстѣ еще валяется оторванный рукавъ, въ другомъ — обрывокъ дѣтской кофточки. Рамы съ оконъ сорваны, двери разбиты, кое-гдѣ выломанные косяки висятъ въ черныхъ впадинахъ оконъ, точно перебитыя руки.

Въ одномъ углу двора, подъ навѣсомъ, у входа въ одну изъ квартиръ, еще виднѣется ясно большое бурое пятно, въ которомъ не трудно узнать засохшую кровь. Она тоже смѣшана съ обломками стекла, съ кусками кирпича, известкой и пухомъ.

IV.

Здѣсь убивали Гриншпуна . . . — сказадь кто-то около насъ страннымъ глухимъ голосомъ.

Когда мы входили въ этотъ дворъ, все было здѣсь мертво и пусто. Теперь рядомъ съ нами стояла дѣвочка лѣтъ 10-12. Впрочемъ, это кавалось по росту и фигурѣ. По выраженію лица можно было дать горавдо больше, глаза глядѣли не по дѣтски . Этотъ ребенокъ видѣлъ все, что здѣсь дѣлалось еще такъ недавно. Для нея вся эта картина разрушенія на молчаливомъ дворѣ подъ знойными лучами солнца была полна невабываемаго ужаса. Послѣ этого она ложилась много равъ спать, просыпалась, вставала,

дѣлала все, что дѣлала и прежде и, значить, «успокоилась». Но этотъ недѣтскій ужасъ, который долженъ былъ исказить это дѣтское лицо, весь не исчезъ. Онъ оставилъ по себѣ постоянный осадокъ въ видѣ недѣтскаго выраженія въ глазахъ и какъ-то застывшей судороги въ лицѣ. Голосъ у нея былъ какъ бы придушенный, а рѣчь ея было тяжело слушать: звуки этой рѣчи выходили съ усиленіемъ, какъ у автомата и, становясь рядомъ, образовывали механическія слова, не производившія впечатлѣнія живой рѣчи.

— Онъ вотъ тутъ . бѣжалъ . — говорила она, тяжело переводя дыханіе, показывая рукой по направленію къ навѣсу и лужѣ крови.

— Кто это? Стекольщикъ? — спросилъ мой спутникъ.

— Да-а . Стекольщикъ. Онъ бѣжалъ сюда... И онъ упалъ вотъ здѣсь. И они его убивали . . .

Съ невольнымъ ощущеніемъ дрожи и ужаса мы отошли отъ этого пятна, въ которомъ кровь перемѣшалась съ известкой, грязью и пухомъ . . .

Въ домѣ все было разрушено съ такимъ же стараніемъ, какъ и во дворѣ: сорваны обои, выломаны двери, разломаны печи, стѣны пробивались насквозь. Эта чрезвычайная «тщательность» дикаго разрушенія породила въ городѣ легенду, будто передъ погромомъ одинъ изъ полуинтеллигентныхъ и довольно вліятельныхъ «антисемитовъ» заготовилъ цѣлую партію ломовъ съ крючками, розданную погромщикамъ и отобранную обратно особенными «агентами». Трудно

скавать, сколько тутъ правды, но въ самомъ слухѣ не мало характерности. Какъ бы то ни было, теперь трудно представить, что еще недавно въ развалинѣ, которую мы рассматриваемъ, текла обычная мирная живнѣ.

Домъ № 13 состоялъ изъ семи квартиръ, въ которыхъ, по обыкновенію, скученно и тѣсно жило 8 еврейскихъ семей, всего около 45 человекъ (съ дѣтьми). Хозяиномъ его былъ Моша Маклинъ, коммисіонеръ и владѣлецъ скромной лавки въ городѣ. На всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, т. е. въ качествѣ домовладѣльца, коммисіонера и лавочника, онъ получалъ до 1500 рублей въ годъ. Среди остальныхъ обитателей дома онъ, конечно, долженъ былъ считаться богачемъ и счастливецомъ. Самъ онъ, впрочемъ, въ домѣ № 13 не жилъ, но одну изъ квартиръ занимала дочь его съ мужемъ и дѣтьми.

Одинъ изъ видныхъ жильцовъ былъ мелкій лавочникъ, Навтула Серебренникъ. Лавка его была въ самомъ углу. Теперь ее можно узнать по обломкамъ деревянныхъ ларей, составлявшихъ прилавокъ и валяющихся на грязномъ полу среди ободранныхъ стѣнъ.

Затѣмъ въ домѣ жили еще: приказчикъ галантерейной лавки — Берлацкій, съ женой и четырьмя дѣтьми. Онъ зарабатывалъ 45 рублей въ мѣсяцъ. Нисензонъ, человекъ лѣтъ 46, былъ «бухгалтеромъ», т. е. ставилъ бухгалтерскія книги и заводилъ денежную отчетность, Эту, отчасти ученую, профессію